

НИГИЛИЗМ В.С. ПЕЧЕРИНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ДУХОВНЫХ ПОИСКОВ

Статья посвящена духовным поискам одного из ярких представителей русского нигилизма В.С. Печерина. Он был одним из первых русских интеллигентов, воодушевленных социальными преобразовательными проектами европейской цивилизации. В.С. Печерин быстро понял утопический характер ряда социально-педагогических учений, всей своей жизнью и творчеством доказывая необходимость для человека духовной свободы.

Ключевые слова: нигилизм, интеллигенция, В.С. Печерин, национальный нигилизм, радикализм.

Ряд отечественных и зарубежных авторов относят появление российской интеллигенции к 1830–1840-м годам. В «духовные отцы» интеллигенции обычно записывают таких известных представителей русской общественной мысли, как П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.А. Бакунин и других, т. е. тех, кто вступил на путь общественной борьбы в рассматриваемый период. Конечно, подобный подход не может быть принят полностью, поскольку интеллигенция есть явление общеисторическое, однако интерес исследователей к периоду 1830–1840-х годов вполне закономерен: в это время происходят глубокие сдвиги как в социальном составе, так и в мировоззрении русского образованного общества. Не случайно, что многих общественных деятелей этого времени – М.А. Бакунина, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, М.В. Буташевича-Петрашевского, В.С. Печерина, П.Я. Чаадаева – обвиняли в нигилизме.

В 1830-е годы в России сложились условия для активного распространения нигилистического мировоззрения: появляются первые молодежные радикальные кружки, в политической жизни активную роль начинают играть представители дворянской и разночинской интеллигенции, большое влияние на мировоззрение интеллигенции оказывает социальный утопизм. Революционное движение этого времени сосредоточивалось в кружках радикальной интеллигенции, где шла идеологическая работа.

Ярким представителем радикальной интеллигенции 1830-х годов является В.С. Печерин. Он был одним из первых русских интеллигентов, воодушевленных социально-преобразовательными проектами европейской цивилизации. В истории русской общественной мысли он занимает место рядом с А.И. Герценом и П.Я. Чаадаевым. Деятельность Печерина и его творческое наследие по-разному оценивались исследователями: от восхищения (П.Н. Сакулин) [1, с. 81] до полного неприятия (К. Кобрин) [2, с. 175–180]. Н.П. Анциферов назвал его «Агасфером русской интеллигенции» [3, с. 92], а современные исследователи обвиняют Печерина в «национальном» нигилизме [2, с. 178; 4, с. 374]. Поэтому следует остановиться на основных проблемах, окружающих жизнь и идейное наследие Печерина.

* © Возилов В.В., 2011

Возилов Владимир Владимирович (vozilov@list.ru), кафедра отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, 150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

В.С. Печерина можно рассматривать как типичного представителя дворянской интеллигенции, увлеченного радикальными идеями. Он был выходцем из семьи мелкопоместного дворянина, дослужившегося до полковника. Хорошее образование — был первым на своем курсе филологического факультета Петербургского университета, отличное знание иностранных языков и большие способности — позволило ему в 1833 году принять участие в учебной командировке в Германию, по возвращении из которой он получил должность профессора в Московском университете. Однако он вернулся в Россию с мыслью об окончательной эмиграции и в июне 1836 года покинул Россию навсегда. Современники и исследователи объясняли причины столь непатриотического поступка Печерина тем, что он не был способен смириться с духовной и политической атмосферой николаевской России 1830-х годов [5, с. 391; 6, с. 62–63; 7, с. 173]. Думается, что это только одна причина, другой был юношеский радикализм. В письме к графу С.Г. Строганову он писал, что отрицание окружающего привело его к выбору между самоубийством и ненавистью, переросшей в убеждение «цель оправдывает средства» [8, с. 173–174]. Впервые в истории русского освободительного движения было открыто заявлено, что человек придерживается данного принципа. Без сомнения, Печерина можно назвать нигилистом: об этом свидетельствует его жизнь «политического» эмигранта и человека, сознательно реализовавшего свои представления об индивидуальной свободе.

Находясь в Германии в 1833–1835 годах, Печерин сформировался как революционер. Об этом он с достаточной долей иронии писал в основном труде своей жизни «Замогильных записках» («Arologia pro vita mea»): «До тех пор у меня не было никаких политических убеждений, да и никаких убеждений вообще. Был у меня какой-то пошленький либерализм... В конце 1833 вышла в свет брошюрка Ламенне... Это было просто произведение сумасшедшего: но для меня она была открытием нового евангелия... Политика стала религиею, и вот ее формула: ...Республика есть Республика! И Маццини ее пророк» [8, с. 176]. Он сошелся с итальянскими и швейцарскими революционерами и возвратился в Россию «с ужасною тоскою, с глубоким отчаянием, но вместе с тем с непреклонною решимостью убежать при первом благоприятном случае» [8, с. 175]. Здесь важно разделить революционный нигилизм Печерина и его национальный нигилизм.

Термин «национальный нигилизм» начал встречаться в литературе с 1990-х годов, однако определяющая его часть до конца не раскрыта. С теоретической точки зрения, национальный нигилизм следует понимать как противоположность национализму, который представляет собой утверждение величия собственной нации, государства, культуры и т. п. В целом национальный нигилизм можно рассматривать как разновидность космополитизма, т. е. превознесения общечеловеческого над национальным, вселенского над родным и т. п. Подобное мировоззрение напрямую связано с беспочвенностью, отрывом от национальной идеологии и собственной культуры.

Уже в молодости Печерин пережил период «отчаяния, ненависти ко всему окружающему, ко всему родному, к целой России» [8, с. 161]. Именно тогда он сочинил известные строки: «Как сладостно отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтожения // И в разрушении отчизны видеть // Всемирного денницу возрожденья!» [8, с. 161], за которые раскаивался в конце жизни. Но его национальный нигилизм не ограничивался сознательной эмиграцией. Печерин отказался не только от родины, но и религии (как известно, он перешел в католичество), и в какой-то степени языка («Будем говорить по-русски, — сказал он при встрече А.И. Герцену, переходя с “чистейшего французского”, — я думаю, что совсем разучился» [5, с. 394]). В отношении В.С. Печерина нужно прямо говорить, что его национальный нигилизм

был вполне осознанным и целенаправленным: в России перед ним открывалась блестящая карьера ученого и, тем не менее, он предпочел покинуть страну.

Н.А. Бердяев считал, что нежелание связывать себя с отечеством было вызвано у В.С. Печерина «страстной любовью к родине» [9, с. 75]. Нельзя согласиться с подобной точкой зрения, поскольку русские мотивы (в том числе о мессианской роли России) появляются в творчестве Печерина лишь в последние годы жизни, после долгих лет пребывания за границей, когда он следил за либеральными реформами Александра II. В 1830-е годы им двигал радикализм и нигилизм молодости. Его эмиграция была негативно воспринята и друзьями, и врагами. По-видимому, позицию Печерина можно объяснить не столько «пассивным протестом против николаевского режима», сколько желанием почувствовать себя «гражданином мира», принять участие в общеевропейском общественном движении. Здесь уместно привести выпад А.С. Пушкина в адрес людей, «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России» [10, с. 409–410].

Как признавался сам В.С. Печерин, «брошюрка Ламенне заставила меня покинуть Россию и броситься в объятия республиканской церкви» [8, с. 216]. Необходимо отметить, что в 1833 году (в год знакомства с книгой Ф. Ламенне) Печериным были созданы несколько произведений, основной пафос которых сводился к разрушению существующего порядка. Так, в неоконченной трагедии «Вольдемар» главный герой на вопрос «Чего ж хотите вы?» отвечает: «Разрубить эти оковы, которые связывают мне руки: разрушить этот старый мир, в котором мне душно, и вольною рукою создать себе новый мир, новое широкое поприще широкой деятельности!... Кровью, кровью не иначе как кровью искупаются и обновляются народы...» [1, с. 83]. Подобные идеи встречаются и в поэме Печерина «Торжество смерти».

В 1830-е годы Печерин был единственным русским революционером за границей. О своей «революционной» молодости он вспоминал с иронией, но это лишь внешняя сторона текста «Апологии»; за ней прослеживается и то, с какой страстью Печерин изучал современные ему политические доктрины. Вначале на него огромное влияние оказал Ф. Ламенне, затем коммунизм Г. Бабефа и Ф. Буонаротти, в сен-симонизме он пытался найти социальную религию, наконец, увлечение идеями Ш. Фурье привело его к мысли создать в Америке русский фаланстер и издавать при нем журнал [8, с. 204, 233, 237–238]. Нужно отметить, что в своих исканиях Печерин был, с одной стороны, близок А.И. Герцену и Н.П. Огареву, которые в начале 1830-х годов прошли этап увлечения сен-симонизмом, а с другой — обогнал своих последователей — петрашевцев, русских фурьеристов 1840-х годов. Правда, в дальнейшем, переосмыслив искания молодости, он нашел основную ошибку данных систем — «любовь к крайней централизации и деспотизму» [8, с. 233]. Вполне естественно, что человек, придерживающийся в начале 1830-х годов самых разрушительных устремлений, в конце 1830-х увлекся утопическими проектами: выше уже отмечалось, что утопизм есть обратная сторона нигилистического мировоззрения.

Трудно сказать, что подвигло революционера В.С. Печерина в 1840 году перейти в лоно католической церкви. Исследователи объясняют это духовным кризисом, сам Печерин — опасением быть выданным России [8, с. 260; 11, с. 362]. Но, вероятно, в результате своих духовных поисков Печерин должен был остановиться на целостной концепции, какой бы она ни была по своему содержанию. Но даже в лоне римской католической церкви Печерин не перестал быть нигилистом. В подтверждение данному тезису сошлемся не на критические замечания о быте и нравах католических монастырей, приходов и миссий, а на непонятную и выпадающую из общего смыслового контекста «Апологии» часть под названием «Легенда о монахе и бесе (из Четы-Минеи)». Основная мысль, заключающаяся в ней, состоит в том, что ложь

окружающего мира зачастую прикрывается христианским целомудрием. Может быть, это свидетельствует о понимании ложности своего существования в католическом ордене Печериным. Но интереснее подпись под этим отрывком — «Окаянный нигилист» [8, с. 226–229]. Довольно странный псевдоним для человека, который ко времени написания текста (1871 г.) более тридцати лет отдал служению церкви.

Духовный опыт В.С. Печерина показателен для русской радикальной интеллигенции, многие представители которой со временем переходили в противоположный идейно-мировоззренческий лагерь. Из декабристов таковыми были генерал М.Н. Муравьев и П.Я. Чаадаев, из сунгуровцев — генерал-майор П.А. Антонович, из петрашевцев — Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский, из революционеров — Л.А. Тихомиров и С.В. Зубатов (много общего у Печерина было с Достоевским: увлеченность Ламенне, стремление к созданию фаланстера, резкая перемена идейных позиций). Сам В.С. Печерин также открыто отмежевался от нигилизма и утопизма. «...Я ни во что не верю, — писал он в 1865 году. — Я просто верую в постепенное развитие человеческого рода посредством науки и промышленности; я уверен, что со временем, постепенно, жизнь сделается легче, удобнее, будет менее неприятных столкновений, удобства жизни распространятся постепенно на все классы общества, а далее этого я ничего не ожидаю. Но веровать в какой-то земной рай, в какую-то *жизнь грядущего века*, где все будут одинаково богаты, одинаково счастливы, одинаково умны, иде же ни печаль ни вздыхание, но жизнь бесконечная, по-моему, это тот же фанатизм, только в другом виде, и я это верование представляю поклонникам социализма, коммунизма, нигилизма и пр.» [8, с. 310]. В письме к А.И. Герцену он подчеркивал: «Вы даже сами сознаетесь, что вы все Онегины, т. е. что вы и ваши — в отрицании, в сомнении, в отчаянии. Можно ли перерождать общество на таких основаниях?» [6, с. 63]. Примечательно, что Герцен, зачислявший в революционеры всех, кто критически относился к условиям русской жизни, отказал Печерину в такой чести. Для этого есть основания: Печерин представляет собой уникальный пример революционера-индивидуалиста, чья революция совершалась внутри него самого, и который не стремился сделать счастливым весь мир.

В.С. Печерин быстро понял утопический характер ряда социально-политических учений, всей своей жизнью и творчеством доказывая необходимость для человека духовной свободы. На Западе, однако, он оказался чужим и в конце жизни вновь обратил свой взор к России, понимая, что человеку невозможно отказаться от родины. Он ищет контактов с русской эмиграцией и старыми друзьями в России. В письмах и записках, написанных после воцарения Александра II, Печерин высказывает ряд мыслей, подчеркивающих великое историческое будущее России; в них появляются и мессианские мотивы. Россия, считал он, «должна идти самостоятельным путем практического материального развития. Наша тесная дружба с Северной Америкой есть одно из знамений времени. Может быть, не в очень далеком будущем свет увидит две исполинские демократии — Россию на Востоке, Америку на Западе: перед ними смолкнет земля» [8, с. 307]. Это показывает, что за свою жизнь он проделал длительную мировоззренческую эволюцию. Его главная книга «Замогильные записки» показывает мировоззренческую эволюцию автора и позволяет понять, что важным элементом духовных поисков Печерина было подчеркнуто критическое отношение к окружающему миру. Подобное отношение он сохранил почти до последних дней жизни. Его острый ум старался распознавать противоречия в общественных институтах и социальных доктринах, искать свое место в мире. Жизнь «революционера-монаха» В.С. Печерина — яркий пример поиска смысла жизни, а именно это является отличительной чертой русской интеллигенции.

Библиографический список

1. Сакулин П.Н. Русская литература и социализм. Ч. 1. М., 1922.
2. Кобрин К. Беглец // Октябрь. 1997. № 6.
3. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1991.
4. Сапов В.В. Печерин Владимир Сергеевич // Русская философия: словарь. М., 1995.
5. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. VII. Гл. VI. Pater V. Petcherine // Герцен А.И. Собр. соч. Т. II. М., 1957.
6. Горелов П.Г. Вступительная статья к публикации книги В.С. Печерина // Наше наследие. 1989. № 1.
7. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 1.
8. Печерин В.С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989.
9. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
10. Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
11. Чернов С.Л. Комментарии к книге В.С. Печерина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989.

*V.V. Vozilov**

V.S. PECHERIN'S NIHILISM IN THE CONTEXT OF HIS SPIRITUAL SEARCH

The article is devoted to the spiritual search of one of the bright representatives of the Russian nihilism – V.S. Pecherin. He was one of the first Russian intelligents who was inspired by the social transforming projects of the European civilization. V.S. Pecherin quickly understood the utopian character of some of the social and political studies and he proved the necessity of spiritual freedom for a person by all his life and creative work.

Key words: nihilism, intelligentsia, V.S. Pecherin, national nihilism, radicalism.

* *Vozilov Vladimir Vladimirovich* (vozilov@list.ru), the Dept. of Native Medieval and New History, Yaroslavl State University, Yaroslavl, 150000, Russian Federation.